

в творческом самосознании Т.: «Я — бард. Я пишу и пою песни о том, что меня волнует. Свобода творчества — мой принцип...» (Монолог... С. 53). В освоении этой темы публицистичность, сатирическая заостренность и даже политическая злободневность мысли соединились у Т. с проникновенным лиризмом, масштабными лирико-философскими обобщениями.

Во многих стих. деятельность поэта-певца неотделима от постоянного противодействия разного рода внешним силам. В известной песне **«Сцена»** тернистый путь поэта к сцене сопряжен с острейшей социальной борьбой, противостоянием силам зла и преисподней («А дорогу к тебе преграждала нечистая сила»), которое порождало и внутреннюю дисгармонию в душе творца («в душе затаилась на долгие годы тоска»), преодолеваемую лишь духовным упованием на Высшую силу: «Да поможет нам Сила Господня!» (Монолог... С. 111). Образ «антиидеала» в творчестве вырисовывается в таких сатирических стихотворениях, как **«Этот путь»** (1988), **«Конкурс»** (1982), **«Правда»** (1985), которые впитали в себя традиции русской гражданской поэзии. Образ поэта, «крамольного» в отношении официальной идеологии и усредненных стандартов творческого поведения, раскрывается и в таких стих., как **«Друзья-товарищи»** (1988), **«Спасательный круг»** (1989), **«Призвание»** (1986). В стихотворной притче **«Бубентамбурин»** (1984) в иносказательной форме — через антитезу кричащей музыки бубна и «самозабвенного», тихого «звучанья чуждых арф» — выявляется драма одиночества лирического «я», чуждости его эстетического вкуса нормам массовой культуры, неглубоким запросам «забубенной публики».

Вселенское обобщение собственной, осмысляемой с духовной точки зрения судьбы и пути Родины осуществляется в песне-пророчестве **«Я вернусь»** (1990). Архетипический для русской культуры образ воскресения поэта «пусть даже через сто веков» и его возвращения в обновленную страну сопряжен здесь с глобальным обобщением истории России XX века — поры революций, войн (явных и скрытых, характеризующих общий климат общественной жизни), нищеты и «дождей из слез». Лейтмотив боя в самохарактеристиках поэта становится знаком его неослабевающей духовной и творческой активности: «Я завтра снова в бой сорвусь, / Но точно знаю, что вернусь...» (Монолог... С. 277). Напряженно рефлексирова о таинственной связи своего посмертного возвраще-

ния и «первого дня рождения страны, вернувшейся с войны», поэт раскрывает двуединство острой социальной направленности собственного творчества и его задушевно-лирической струи: «А когда затихают бои, / На привале, а не в строю / Я о мире и о любви / Сочиняю и пою...» (Монолог... С. 277).

Лирический герой Т. отличается внутренней цельностью, основанной на религиозной сущности миропонимания, напряженной саморефлексии, этике духовного стоицизма. Его глубинное «я» раскрывается как в проникновенной исповеди о своей душевной жизни, так и в подчас нелицеприятном диалоге с современником о кризисных чертах национального сознания, тяжелых страницах прошлого и смутного настоящего, в притчах, пророчествах о будущем русской судьбы.

Поэзия Т. явилась ярким худож. выражением эпохи болезненного крушения Системы, обнажившего зияющие пустоты в национальном бытии. Она в полноте выразила стремление общества обрести утраченные духовные, религиозные ориентиры русской жизни, соединив в себе публицистическое, рефлексирующее начало с сильнейшим эмоциональным зарядом, богатой гаммой душевных переживаний.

Соч.: Монолог: Стихи, воспоминания, дневники. М., 1992; 2001; 2002; И расцветешь... Великая Россия!: Стихи, воспоминания, дневники. М., 2001; Талькова О. Ю. Я воскресну и спою...: Стихи, воспоминания, дневники. М., 1998.; Россия: Песни Игоря Талькова. М., 1992; Игорь. М., 1993.

Лит.: Ничипоров И. Б. Мотивы песенной поэзии Игоря Талькова // Лит. учеба. 2003. № 1. С. 134–149; <http://www.tal-sky.ru>.

И. Б. Ничипоров

ТАНИЧ (настоящая фамилия Танхилевич) Михаил Исаевич [15.9.1923, Таганрог] — поэт, автор популярных песен, создатель тематической музыкально-песенной группы «Лесоповал».

Отец — бывший чекист, в начале 1920-х заместитель начальника Мариупольской ЧК (погиб при сталинском терроре). В 1941 Т. окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу (аттестат зрелости выдан 22 июня). Участник Великой Отечественной войны (был командиром противотанковой пушки, в связи с чем военная судьба переключается с героями романов Ю. Бондарева, тоже артиллеристами). Кавалер ордена Славы и Красной Звезды. После войны поступил в Ростовский инженерно-строительный ин-т на архитектурный ф-т.

Вскоре был арестован и осужден на 6 лет тюрем и лагерей (1947–1953). По возвращении работал на строительстве Сталинградской ГЭС, после чего в Сталинграде в районной газ. — последовательно фельетонистом, в отделе писем, ответственным секретарем. С 1967 — член Союза советских писателей. В 1987 — премия от МВД как лучшему поэту-песеннику.

Стихи начал публиковать с 1956, с 1961 — писать песни.

Публиковался в периодических изданиях: Литературная Мордовия: альм. Саранск, 1961. № 23; Антология одного стихотворения. М., 1976; День поэзии 1978. М., 1978; Одной земли душа и память: сб. Волгоград, 1990 и др. Отд. изд. вышли книги стихов: **Возвращение.** Сталинград, 1959; **Кляксы.** Короткие басни. Сталинград, 1960; **Текстильный городок: сб. песен.** М., 1964; **Улицы.** М., 1966; **Пароль.** М., 1983; **Мемуары.** М., 1989; **«Шаг влево...».** М., 1991. Песни: **«Как тебе служится?...»**, **«Что тебе сказать про Сахалин!»**, **«Черный кот»**, **«На недельку до второго...»**, **«На дальней станции сойду...»**, **«Старая песня (Аты-баты, шли солдаты...)»** и др.

Через лирику Т. проходят несколько доминирующих, прочно связанных с биографией поэта тем. Первая — войны, точнее, военной, «гарнизонной» юности, начинающейся, впрочем, с детства, в котором поэт видит себя еще только мальчуганом «с военным ветром в голове» (Пароль. С. 22). Потом пошла уже реальность: «Была судьба недоедать, / Войти / В растерзанные села, / Копать, / Стрелять / И попадать! / Любить? / И не было глагола!» (Там же. С. 8). Любовь оказывается перечеркнутой «скрипучими ремнями лейтенантов...» (Улицы. С. 11). Тем не менее исключаемые логикой войны «видения» жизни берут свое: «Я видел только под линялой блузкой / Заточенные юностью соски» (Там же). Параллельно с темой «стриженных лейтенантов» развивается и тема обездоленного войной женского счастья: «Черноглазая одна / В гости пригласила, / За беседой фитилек / В лампе пригасила. <...> На подушках пуховых / Жаром окружала / И другого, не меня, / В голове держала» (Пароль. С. 39). В итоге тема скоропалительной фронтовой любви завершается мотивом хоты и не признающего за собой особенной вины, но все же честного, в традициях народной этики, покаяния: «И любовь была недолгая, / И брала себе свое! / Вы простите, люди добрые, / За не-вечную ее» (Там же. С. 38). Присутствует

в лирике Т. и тема фронтовой дружбы, в частности, в разговоре о главном солдатском имуществе — кисете, где «махорки на самом дне, / только-только / на самокрутку / тебе и мне» (Мемуары. С. 14). Эта тема проникнута большей ностальгической памятью, чем тема фронтовой любви; поэт печалит, что визуальная встреча бывших когда-то молодыми однополчан, если они даже еще и живы, увя, уже невозможна: «И не узнать нам нас / и не позвать, / мы навсегда остались / в дальних даях!» (Там же. С. 17).

Стихи Т. о войне воспроизводят почти секундные ощущения происходящего: «А воздух был плотным и теплым / <...> И солнце, / Зажмурься, / Погасло...» (Пароль. С. 18), исполнены впечатляющих картин виденного: «Острые готические шпили — / Как скелеты рыцарских веков» (Улицы. С. 15), которые и в дальнейшем будут тревожить поэта своими жестокими видениями: «Над синью лесного подсада / Вдруг встанет из давности дней / Кривая сосна, как из ада, / В обломках до самых корней» (Пароль. С. 83).

По мере ухода военной юности в прошлое и творческого развития самого поэта тема войны тем не менее в его стихах не глхнет, обретая статус вечного атрибута и его телесного («И горячая, под лопаткой, догорает моя война» — Шаг влево. С. 89), и духовного состояния: «Как стронций она не распалась во мне» (Мемуары. С. 104). Более того, с уровня сюжетно-образительного и просто эмоционального она переходит теперь на структурный уровень самого поэтического творчества, становясь символом, метафорой, например, прожитого времени: «Не сбросишь с плеча усталого / скатку лет!» (Там же. С. 105) и даже в еще более далеком от сущности войны изображении цветка: «Пион выстреливает сразу! / <...> Он, как сапер, себя взрывает, / и в нем самом — и тол, и пыл! / И после смерти он бывает / еще красивее, чем был» (Там же. С. 50). И вообще, по мысли поэта, для работы над стихами, чтобы «в тишине / У стола примоститься», нужно, помимо прочего, «иметь за душой что-то главное, / Вроде войны» (Пароль. С. 21).

Не менее чем военная, биографически мотивирована в лирике Т. начинающаяся с «одного злопамятного лета» тюремно-лагерная тема. Она прочно закреплена в его стихах такими терминологически весомыми знаками, как «воронка», «повал», «наледи уральского барака», «...чуни да пайпаки... / и пила лучковая — / барышня моя» (Мемуары. С. 21), и целыми обозначенными тою же

лексикой картинами: «...в непроснушемся небе вертух с пулеметом», «колючая проволока непехотных лагерей» и т. п.

Проблему противостояния противоборствующих в эпоху сил Т. решает в комплексе — и как бывший фронтовик, и как бывший лагерник, для него непраздным является вопрос, сколько у нас погибло «от ихних» и сколько «от наших» (Мемуары. С. 25) — имеется в виду пулю; созерцание монумента Победы и памятника жертвам Ежова приводит его к обобщающему выводу: «...я под этим лежу / и под этим — лежу, / ничего во мне нету живого» (Шаг влево. С. 16); размышление о прошлом — истории пятилеток и репрессий — рождает зловещий образ «эпохи наганов»: «В этих стенах чекисты бывали, / в портупелях и при кобуре, / пятилетки бортами / углы задевали, разворачиваясь во дворе» (Мемуары. С. 103).

Свое активное отношение к истории уходящего века Т. выразил в образах его показательных, в том или ином плане, личностей, — негативных: Сталина, «термоядерный прах» которого он просит убрать с Красной площади (Там же. С. 24) и чья подпольная кличка «Коба» напоминает поэту «чуть-чуть сокращенная кобра» (Шаг влево. С. 70), Берии, что в его страшном сне вновь «по Вспольному проехал не спеша» (Там же. С. 119) — и светлых, в основном жертв сталинско-бериевской эпохи — «одесского Спинозы» Бабеля, Мандельштама, что «до бухты Ванино — / пронес свой рифмованный крест» (Там же. С. 22), Ахматовой, с ее «царским» именем, Платонова, зарабатывающего на хлеб насущный в годину отторжения от лит-ры в качестве дворника («Горит опавшая листва, / по-книжному шурша» (Там же. С. 86), своего «земляка пехотного» Виктора Астафьева, над рассказом которого он пытается «расти» («да где там, разве дорости?»), но обращение к которому завершает упреком: «...ну что тебе дались жиды?» (Там же. С. 87).

Напряженности и драматизму исторической жизни в поэзии Т. противостоят мгновения полноценного бытия, связанные прежде всего с впечатлениями детства — «страны незамерзающей мечты» (Пароль. С. 83); с природно-первозданным началом — «На дальней станции сойду — / Трава по пояс!» (Пароль. С. 85), «Как мне любя-дорога / эта связь с травой...» (Мемуары. С. 120); с ощущениями бытового уюта мирной жизни — «Пахнет дымом дровяным, / Смоляным, берестяным, / Духом баннным-древянным, / Удивительно родным!» (Пароль. С. 25), «За-

парю веник — пахнет просо! / Забытым детством подышу» (Там же. С. 54); с ностальгией по коммунальной жизни: «Коммуналка, / счастливые дни! Людно, кухонно / и коридорно» (Мемуары. С. 43). Это также и мгновения творческого состояния, когда каретка пишущей машинки вдруг начинает бегать «быстрее гусиного пера» (Пароль. С. 58), а стихи неожиданно находятся, как в лесу опята: «Пружинисто, солдатиком, / крылато / букет взлетел / и смотрит на меня» (Шаг влево... С. 115). Подобные же мгновения Т. находит в созерцании шедевров национального гения, представленных пусть всего лишь только в топонимах: «Остоженка, / Пречистенка, / Волхонка, — / какой поэт / сей триптих возвестил? / <...> А площадей и улиц / будут тыщи, / и Метрострой / как прозвище хорощ! / Но никогда / превыше и пречище / Пречистенку / уже не назовешь» (Мемуары. С. 61).

Тема любви у Т. лишена налета привычной в лирике эйфории, поэт выступает в ней скорее тонким аналитиком, неожиданно иронично уравнивая ее с таким понятием как «бедность» — по их общей доминанте — переходящности: «Жаль, что бедность, / Она, как любовь, / До поры» (Улицы. С. 66), и вообще, в эту тему он намерен внести переакцентировку: «Влюбленность я любви предпочитаю — / Незнанья в ней / Прелестен аромат» (Пароль. С. 75).

Существенную роль в поэзии Т. играют образы, являющиеся бытовыми и культурными знаками времени. Довоенный этап жизни обозначен «буфетом в амурах / с деревянным виноградом» (Мемуары. С. 11), «примусом», «ходиками (с подвешенным утюгом)», обращением соседки к матери поэта «мадам» и песнями «Ах, эти черные глаза!», «Сулико», затем появляются «потный ватник», который надело на себя «авральное» время войны, лагерная «теплогрейка» (вернувшаяся затем по прихоти легкомысленного поколения перестроечного десятилетия в виде модной «теплогреечки попсовой») и туристическая палатка — «родная сестра бригадин» (Улицы. С. 66) — периода хрущевской «оттепели».

Между тем ощутима у Т. и тенденция самого себя представлять без каких-либо особых «опознавательных знаков», относительно как истории, так и самой личности: «И в зеркало дышит небойко / Серийная личность моя» (Пароль. С. 10), поэт не только не проявляет особого интереса к модным сейчас поискам своей родословной — «Я не знаю своих истоков» (Мемуары. С. 80),

но даже и к своим национальным корням: «Так и живу, как в нереальности, / и тесен мне один народ — / я никакой национальности, / демографический урод» (Шаг влево... С. 53).

В качестве основной интонации своей поэзии Т. называет ее песенность, «сентиментальность» и «самоиронию» (Г. Заславский).

В песенном творчестве выступает наследником традиции фольклора и близких ему поэтов, в частности, С. Есенина, о котором на вопрос, чем он близок тюремно-лагерному миру, высказывается: «Есенин изначально песенно писал. Он ближе всего к народному стихосложению, понятному большинству людей. Потом Есенин такой тревожный поэт, тревожной судьбы, он был не в ладах с советской действительностью, этим он тоже близок уголовному миру... Есенин по стихосложению прост, как народная частушка, поэтому имеет успех у народа. А лагерь — это народ!» (Там же). О присущем Т. таланте песенной стилизации исследователь пишет: «Как истинный профессионал, Танич мастак в стилизации. Вам нужен (или, вернее, ему самому приглянулся) „высокий“ романс? Извольте, „День ангела“: „И время — как рояль из черно-белых клавиш, сегодня мой рояль настроен на минор“. Романс цыганский? Пожалуйста, „Три линии“: „Чему быть по линиям — все покрыто инеем, но это — жизнь, а это я, а ты — любовь моя!“ Так называемая поездная песня, изо всех своих сил норовящая разбредить ваше сердце подробностями узнаваемой жизни? „Она на Кировской служила, на Почтампе, налево в зале, в девятнадцатом окне...“ Местечково-еврейская? „Подумаешь, забота, что снова есть охота, подумаешь, погромы! А гиц ин паровоз!“ Подражание Вертинскому? И это можем...» (Рассадин Ст.— С. 222).

В 1992 Т. приступает к реализации проекта группы «Лесоповал» — как своеобразного «большого... романа в песнях о сталинском лагере, который я хорошо знал...» («Играла музыка в саду...» С. 188). Называя свой проект также «новеллами о лагере», поэт поясняет: «Герой моих песен — бывший уголовник малолетка, мелкий воришка. Никто прежде не разрабатывал этой темы так подробно» (Г. Заславский), «Моя группа „Лесоповал“ не романтизирует криминальную жизнь, а наоборот, рассказывает о том, что воровать плохо. „Песня воришки“ — это исповедь человека оступившегося, а не закоренелого преступника-рецидивиста» (А. Семенов).

Помимо группы «Лесоповал» (солист С. Кожуков) песни на стихи Т. исполняли

Э. Хиль, И. Кобзон, В. Леонтьев, В. Сюткин, Ю. Антонов, А. Малинин, Ф. Киркоров, А. Апина, Катя Лель и др. Им написаны песни к полусотне кинофильмов.

О своей неразрывной связи с минувшим веком и заодно о нынешнем времени поэт сказал: «Сегодня, оглядываясь назад и всматриваясь в прожитые годы, я вдруг стал понимать, что через мою жизнь можно писать биографию страны, которая называлась Советским Союзом. Я родился <...> был еще жив основатель этой страны. Так что пережил все этапы нашей советской истории. Я говорю „советской“ сознательно, потому что и сегодня продолжается очередной этап. К сожалению, другого не могло и быть, потому что у руля власти те же „обком обкомовичи“. Молодые реформаторы совсем недавно были комсомольцами — верным оплотом и резервом партбоссов. И вот наши „рулевые“, наделав массу ошибок, зовут углублять реформы, при этом забывая выплачивать заработную плату тем, кто их кормит, поит, одевает, обувает, учит их детей и внуков в школах, лечит и старается привить им культуру» (А. Семенов)

Соч.: «Я куплю тебе дом...» М., 1995; Жизнь. М., 1998; «Играла музыка в саду...» М., 2000; Проводы любви. М., 2002; [Стихи и песни]. Смоленск, 2003.

Лит.: [Краткая биогр. справка] // Танич М. Улицы. М., 1966; Рассадин Ст. ...А все хорошее есть мечта // Танич М. «Я куплю тебе дом...» М., 1995; Заславский Г. В есенинских традициях (Беседа с поэтом М. И. Таничем) // Независимая газ. 1997. 21 окт.; Григорьев К. «Странность — пишу песни...» (Беседа с поэтом-песенником М. И. Таничем) // Московская правда: Ночное рандеву. 1998. 29 янв.; Семенов А. «Считайте меня средним классом, на который должно опираться государство» (Беседа с поэтом) // Щит и меч. 1998. 27 февр.; Миловидова Л. «Я все время придуриваюсь молодым!» [Беседа с поэтом] // Тверская, 13. 1998. 29 окт.

А. И. Михайлов

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ Александр Игнатьевич [25.9(7.10).1885, Астрахань — 3.9.1938, в заключении] — прозаик.

Т.-Р. родился в семье землемера. Мать из мелкопоместных дворян Черниговской губ. В 13 лет Т.-Р. остался без отца, старшим в семье из 7 детей. Зарабатывал уроками, одновременно занимаясь в гимназии. В 1903 Т.-Р. поступил на юридический ф-т Казанского ун-та, но, не окончив его, в 1907 уехал за границу, жил в Париже и Брюсселе. В 1908 Т.-Р. приехал в Омск, где до 1913 служил